

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080008381-6

РУССКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

© 2020

М.И. ГОЛЬМАН ^a^a – Институт Востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9372-6553; gima2010@mail.ru

Резюме: Статья рассматривает историю взаимоотношений России с монгольскими ханствами и княжествами во второй половине XVII в. Эти отношения развивались на фоне растущей экспансии маньчжурской империи Цин (1644–1912). В таких условиях русско-монгольские отношения развивались по трем каналам: с последним из Алтан-ханов – Лувсаном; с Тушету-ханом – Чихунь-Доржи и его братом, главой буддийской церкви в Халха-Монголии Джебцундамба-хутухтой; а также с правителями Джунгарского ханства Сенге и Галдан-бошокут-ханом.

Стремясь закрепить за собой вновь освоенные земли в Забайкалье и Приамурье и обеспечить безопасность построенных на этих землях острогов, Россия не вмешивалась во внутренние дела в монгольских улусах и проводила в целом мирную политику в отношениях с воинственными монгольскими владельцами. В свою очередь, монгольские правители стремились к союзу и сотрудничеству с российским государством, чтобы укрепить свое положение в междоусобной борьбе, противодействовать давлению маньчжуров и обеспечить себе доступ на рынки сибирских городов. Взаимная заинтересованность в постоянных контактах и связях обусловила оживленный обмен посольствами и развитие караванной торговли.

Автор раскрывает основное содержание почти всех посольских переговоров, показывая, что они отражали взаимное стремление сторон «жить в мире и в согласии». Споры вызывали лишь тщетные притязания Алтан-хана, Сенге и Тушету-хана на сбор ясака (дани) с подвластного России местного населения. Это приводило иногда к военным столкновениям. Однако они не мешали развитию посольских и торговых обменов.

В заключение автор приходит к выводу, что, если исключить участие монголов в 10-месячной осаде маньчжурами Албазина в 1684–1685 гг. и трехмесячной осаде Селенгинска войсками Тушету-хана в 1688 г., русско-монгольские отношения в обозримый период развивались стабильно и носили, в общем, мирный характер.

Ключевые слова: Алтан-хан, Цэцэн-хан, Тушету-хан, Сенге, Галдан, А.Ф. Головин, остроги, ясак, посольства, караванная торговля

Для цитирования: Гольман М.И. Русско-Монгольские отношения во второй половине XVII в. Восток (Oriens). 2020. № 1. С. 54–67. DOI: 10.31857/S086919080008381-6

THE RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS
IN THE SECOND HALF OF THE 17th CENTURY

© 2020

Mark I. GOL'MAN ^a^a – Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9372-6553; gima2010@mail.ru

Abstract: The article deals with the history of the relations between Russia and the Mongol khanates and principalities in the second half of the 17th century. Russian-Mongolian relations developed in three directions: with Luvsan Erdeni-huntayji, the last of the Altan Khans; with Tushetu-khan –and his brother Jebtsundamba-hutuhta, head of the Buddhist church in Khalkha Mongolia; and with Senge and Galdan

Boshoktu-khan, the rulers of the Dzungar Khanate. Russia seeking to secure the newly acquired lands in Transbaikalia and the Amur River region as well as the security of the stockaded towns (ostrogs) built on these lands, would not interfere in the internal affairs of the Mongolian uluses and conducted peaceful policy towards warlike Mongolian rulers. In turn, Mongolian rulers sought to the alliance and cooperation with Russia in order to strengthen their position in the internecine struggle, to counter the pressure of the Manchu and to assure an access to the markets of Siberian cities. Mutual interest in constant contacts led to the lively exchange of embassies and the development of caravan trade. Embassy negotiations were, in general, of peaceful character and reflected mutual desire of the parties "to live in peace and harmony". Futile claims of Altan-khan, and of Senge and Tushetu-khan to collect yasak (tribute) from local population under Russia were the only reason for controversy, which sometimes led to military clashes. However, those clashes did not interfere with the development of embassy and trade contacts. If to exclude the participation of the Mongols in the Manchus' ten-month siege of Albazin in 1684–1685 and in the Tushetu-khan's three-month siege of Seleginsk in 1688, Russian-Mongolian relations at the affected period developed steadily and were peaceful.

Keywords: Altan-khan, Tushetu-khan, Tsetsen-khan, Sengge Galdan, Golovin, a ostrog yasak, yasak embassies, caravan trade

For citation: Gol'man M.I. The Russian-Mongolian Relations in the Second Half of the 17th Century. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 1. Pp. 54–67. DOI: 10.31857/S086919080008381-6

50–90-е годы XVII в. были временем неуклонного усиления давления маньчжурской династии Цин (1644–1912) на ханства и княжества Северной (Халха) Монголии в целях их покорения, что было связано с экспансией маньчжуров в Халху, Джунгарию и Восточный Туркестан.

Уступая этому давлению, халхаские правители в 1655 г. согласились удовлетворить требования Цин о направлении в Пекин в качестве аманатов (заложников) своих младших сыновей и братьев и приносить ежегодно маньчжурскому императору символическую дань из «9 белых» (8 лошадей и 1 верблюд белой масти) [Ермаченко, 1974, с. 87]. Таким образом, начался постепенный процесс превращения халхаских князей в вассалов маньчжурского императора и проводников враждебной, агрессивной политики маньчжуров по отношению к русским владениям в Забайкалье и Приамурье. Возникла реальная угроза русским острогам – Селенгинскому (1666), Удинскому (1667), Албазинскому (1657), Телембинскому (1658) и Юравнинскому (1660), Нерчинскому (1655), построенным в этом регионе по мере продвижения русских отрядов на восток в поисках новоприбыльных земель и серебряной руды [Шастина, 1958, с. 77, 165–166]. Безопасность острогов и территорий вокруг них стала заботой для царского правительства и сибирской администрации, а также одной из важных тем русско-монгольских посольских переговоров во второй половине XVII в. Дело осложнялось очень нестабильной внутривнутриполитической обстановкой в Халха-Монголии, раздираемой бесконечной междоусобицей и распрями между княжескими домами: Тушету-ханов, Дзасакту-ханов и Цэцэн-ханов, между Джунгарским ханством (1634–1758) и Халхой, среди различных князей. Попытки преодолеть раздробленность и объединиться на Джунгарском (1640) и Хурэнбэлчирском (1686) съездах монгольских и ойратских правителей очень скоро обернулись новым витком междоусобиц.

На этом фоне русско-монгольские отношения в исследуемый период развивались по трем основным направлениям: с последним из Алтан-ханов – Лувсаном Эрдэни-хунтайджи (Лувсан-тайджи, 1657–1686); с Тушету-ханом Чихунь-Доржи (Очирой-сайн-хан) (1634–1699) и его братом, главой буддийской церкви в Халха-Монголии Джебцундамба-хутухтой (1635–1724); с правителями Джунгарского ханства Сенге (1655–1670) и Галдан-бошокту-ханом (1645–1697).

Лувсан-тайджи, правитель, судя по его действиям, воинственный, возмутитель спокойствия в монгольских улусах (см. далее), в начале своего правления проводил в отношении Российского государства противоречивую политику: с одной стороны, он выступал за возобновление и развитие посольских обменов и торговли [Шастина, 1958, с. 80–82], а с другой – претендовал на сбор ясака с российских подданных – енисейских киргизов. В 1657 г. Лувсан-тайджи с 7-тысячным отрядом вторгся в Красноярское воеводство и разбил лагерь в пяти днях перехода до Красноярска. Начались погромы и грабежи окрестного населения, угон лошадей и скота, захват доспехов и оружия [там же, с. 82]. В конце года Лувсан-тайджи создает коалицию с местными киргизскими и тубинскими князьями для похода на Томск, куда он направляет письмо с угрозами. Немедленно к нему из Томска был послан пятидесятник конных казаков Роман Кольцов с наказом воеводы Михаила Федоровича Скрябина выговорить Лувсану-тайджи о его неправде, напомнить, что его отец шертовал (присягал. – *М.Г.*) на верность русскому царю Михаилу Федоровичу, а главное – потребовать его ухода из русских владений. Лувсан-тайджи вел себя в переговорах с Р. Кольцовым надменно, категорически отказался подтвердить присягу и на требование сойти с русской земли заявил: «какая де земля вашего государя, земля де из веку наша» [*РМО 1654–1685*, с. 27].

Посольство Романа Кольцова закончилось полной неудачей. Такая же участь постигла и последующие посольства томского сына боярского Степана Греченина, отправленного с теми же целями по указу Москвы из Томска в сентябре 1659 г. и через 5 месяцев с большими трудностями достигшего ставки Лувсана-тайджи в его родных кочевьях у озера Упса в Монголии, куда он сам добровольно ушел из-под Красноярска в конце 1659 г. в связи со смертью его отца Алтан-хана Омбо Эрдэни (годы правления: конец 1620-х – 1659). Тем не менее посольство Греченина сыграло большую роль в том плане, что после него Алтан-хан уже больше, до 1665 г., не вторгался в пределы русских владений, а переключился на халхаские дела.

Первая половина 60-х гг. XVII в. была временем наиболее оживленных и почти ежегодных обменов посольствами с Лувсан-тайджи. К нему в эти годы были направлены кроме Р. Кольцова и С. Греченина еще 4 посольства: томского пятидесятника Степана Боборыкина в 1661 г., томского сына боярского Петра Лаврова в 1662 г., томского казачьего головы Зиновия Литосова в 1663 г., томского сына боярского Романа Старкова и Степана Боборыкина в 1665–1666 гг. [*РМО 1654–1685*, с. 71–75; 89–90; 93–95; 115–119].

В свою очередь, Москва очень любезно и торжественно принимала посланцев Лувсан-тайджи – Ачиту-баки в 1661; Урана в 1663; Чимкина в 1664; Эйзана в 1666 [*РМО 1654–1685*, с. 80–82; 95–99; 101–102; 235–238 соответственно].

Генеральной задачей, которую Москва преследовала во всех вышеперечисленных контактах, было уговорить Лувсан-хана подтвердить старую, от 1634 г., присягу на верность русскому царю, данную формально через приближенных его отцом, Омбо Эрдэни, или принести новую. Дальше всех продвинулся в решении этой задачи Зиновий Литосов – он привез в Москву в 1663 г. заверения Лувсан-тайджи в готовности встать под высокую государеву руку в будущем, сохраняя при этом звание царя. Вдохновленное этими обещаниями, царское правительство поспешило в 1664 г. издать специальный указ о принятии Лувсан-тайджи в «призрение», т.е. в подданство: «И Великий Государь... его Лозана пожаловаль, велѣль за службу отца его, Алтына Царя, и за его покорение милостиво похвалить и въ своихъ Великаго Государя грамотахъ писать его Мунгалскимъ Царемъ, а ему Лозану быть въ Его Царскомъ всемилостивомъ призрѣньи» [*ПСЗ*, № 367, т. 1, с. 604]. Русское правительство, считая Лувсан-тайджи подданным царя Алексея Михайловича, выдавало желаемое за действительное. Лувсан почти до самого конца своего правления был самостоятельным и полностью независимым правителем державы Алтан-хана.

А в начале 1660-х гг. он вообще находился на вершине своей власти – богатая добыча, захваченная им в киргизских улусах, большое войско¹, сделали его влиятельным человеком в халхаских делах: он вмешался в борьбу вокруг Ваншуга – старшего сына и наследника Дзасагту-хана Норво, сместил его с ханского престола. Против Лувсана выступили могущественный Тушету-хан, Чихунь-Доржи и еще 7 князей. Война, получившая название «смуты Лувсана», охватила западные области Монголии [Шастина, 1958, с. 88].

Испытывая первые военные неудачи в борьбе с превосходящими силами противников, Лувсан-тайджи стал настойчиво искать расположения и поддержки русского царя Алексея Михайловича, к которому в 1662–1665 гг. послал 7 посланий с различными предложениями и просьбами [*РМО 1654–1685*, с. 85, 78–80, 125, 127 и др.]. Лувсан-тайджи стал строго соблюдать почетный церемониал приема русских послов: стоя, сняв шапку, выслушивал царские грамоты, целовал их и прикладывал к голове, очень радушно и торжественно принимал русских послов, посылал царю самые дорогие для степняка подарки – гнедого аргамака и сакраментальные «восемь белых лошадей и белого верблюда».

В свою очередь, царское правительство дорожило добрыми чувствами и поведением Лувсана и не скупилось на государево жалованье: посылало ему, например, с 3. Литосовым в подарок даже пицаль, и это вопреки запрету на дарение оружия монголам; с Романом Старковым – дорогую шубу – «атлас золотой на соболях» с царского плеча. Русские власти с интересом отнеслись к предложению Лувсан-тайджи построить для него город-крепость на реке Упса в киргизских владениях «... Мне бы Лувсану царю в тот город прибегать на время от неприятелей моих, а против неприятелей наших мы начнем быть с государевыми ратными людьми заодно где будет великих государей повеленье» [*РМО 1654–1685*, с. 118].

Как видим, Алтан-хан ратовал за военный союз, на что царское правительство пойти, конечно, не могло, верное своей политике невмешательства во внутренние дела в монгольских улусах. Но вот иметь личный острог для хана в земле непокорных киргизов оно было не против и в феврале 1666 г. направило томского сына боярского Романа Старкова, только что вернувшегося в Томск после посольства к Лувсану, вновь на реку Упса для выбора удобного места для постройки острога. Р. Старков задание выполнил и установил, что в районе реки Упса места для строительства острога вполне подходящие, он даже составил описание и чертежи этих мест. Но Лувсан-тайджи опередил русских и летом 1666 г. сам построил острог в этом районе, в месте впадения речки Сизой в Енисей. Впоследствии эта крепость получила название Лозановой осады [Шастина, 1958, с. 99].

Теснимый своими противниками, Лувсан-тайджи просил у русских властей ратных людей и оружие, за что обещал подвести под высокую государеву руку «всех, которые кочуют и до Китайского государства», т.е. все монгольские земли. Для этого ему требовалось 10 тысяч русских воинских людей, желательно конников, и пицали для всего своего войска. Естественно, эти просьбы остались без ответа.

Между тем осенью 1666 г. в борьбе за киргизских кыштымов (данников), Алтан-хан столкнулся с войсками правителя Джунгарского ханства Сенге (правил в 1654–1670 гг.), потерпел полное поражение и вместе со своими улусными людьми и семьей попал в плен к джунгарам, которые подвергали его унижительным издевательствам и мучениям. В это время в ставке Сенге находился русский посол Павел Кульвинский, который в своем статейном списке это все описал [Шастина, 1958, с. 99].

¹ На приеме в Посольском приказе 27 июня (7 июля) 1663 г. послы Лувсан-тайджи называли явно завышенные цифры, от 70 до 100 тыс. [*РМО 1654–1685*, с. 96]

«Июня в 12 день Сенга-тайша с мугальской службы в свой улуч приехал, а с собою Сенга привез мугальского царя Лоджана, детей ево, 3-х сыновей одна лет в двадцать, а другой лет петинадцати, а третий лет десяти, и сестру Лоджанову за себя взял, а самому Лоджану-царю Сенга велел руку правую по завить (запаястье. – М.Г.) отсечь и собачьего мяса Лоджану велел в рот класть и отдав ево, Лоджана, з двумя женами онгоноцкому царю. Да он же, Сенге, привез с собою мугальского полону добрых ближних людей и кыш-тымов з женами и з детьми тысячи з две. И Сенга-тайша лутчих людей скотом наделил, велел жить подле себя, а держать в бережности» [*РМО 1654–1685*, с. 151].

Алтан-хан сумел вырваться из плена только через 10 лет, в 1678 г., и сразу же заматался в поисках союзников и покровителей. В этом же, 1678 г. он направил через Красноярск и Томск в Москву послов Ерокту-тархана-бакшу и Бону-Батыя с предложением организовать совместно с русскими ратными людьми военный поход против киргизов и ради этого выразил готовность вступить в вечное подданство великому государю Федору Алексеевичу.

В 1679 г. он официально «шертовал» (присягнул) на верность русскому царю перед главой последнего русского посольства к Алтан-ханам – томским сыном боярским Семеном Тупальским – в своей ставке на реке Оке к востоку от Красноярска, а также обязался «под ево государьские города и остроги войною не приходить, и русских людей не побивать и с ясашных татар, которые служат великому государю, ясаку с них на себя не иметь и не грабить» [*РМО 1654–1685*, с. 339].

Заключить военный союз с русскими у Алтан-хана, естественно, не получилось. И в 1681 г. он с данью прибыл в Пекин к маньчжурскому императору Сюань Е (Канси, 1654–1722) [Чимитдоржиев, 1978, с. 58]. Все это не помогло Лувсан-тайджи, с его пленением держава Алтан-ханов неуклонно катилась к упадку, но неугомонный Лувсан-тайджи не сдавался, в 1684–85 гг. он вновь затеял войну с Дзасакту-ханом, но потерпел поражение. В 1686 г. на Хурэнбэлчирском съезде монгольских и ойратских правителей он, как зачинщик многих конфликтов, был лишен власти и отдан Дзасакту-хану.

Держава Алтан-ханов, в течение всего XVII столетия игравшая важную роль в политической истории Монголии и в отношениях с Россией, сошла с исторической арены.

Отношения между Российским государством и самым могущественным и богатым из владельцев Монголии Тушету-ханом Чихунь-Доржи и его братом, духовным владыкой Халха-Монголии Джебцундамба-хутухтой, завязались в процессе освоения русскими Забайкалья и постройки в 1666 г. в месте впадения Чихоя в Селенгу Селенгинского острога и на реке Упса – Удинского зимовья, скоро ставшего также острогом.

Тушету-хан, возмущенный строительством этих острогов якобы на монгольской земле, вблизи от его кочевий, причем якобы самовольно сибирскими властями без царского указа, направил в 1672 г. в Москву своих первых послов Чин-Батура (от Тушету-хана) и Дзорикту (от его брата Шидишири-багатур-хунтайджи) с требованием перенести острог на другое место [Шастина, 1958, с. 108–110]. В ответ к Тушету-хану был направлен енисейский сын боярский Иван Перфильев с подарками и царской грамотой.

В ней утверждалось, что Селенгинск поставлен «по его царского величества указу», что о переносе и «речи быть неможно» и предлагалось жить мирно и в совете. В связи с тем что Очирой-сайн-хан уехал в Тибет, русский посол смог передать все это Тушету-хану лишь в феврале 1675 г., спустя более 2-х лет после отправки посольства. А в декабре 1675 г. в Москву прибыло большое посольство Гарма-Биликту от Тушету-хана, Мацжита-лама от Джебцундамба-хутухты и Гурюк от младшего брата Тушету-хана Шидишири-багатур-хунтайджи с целью налаживания отношений с русскими. Оно везло подарки и послание Очирой-сайн-хана.

Посольство было принято радушно, ибо Москва была крайне заинтересована в закреплении в Забайкалье, в обеспечении безопасности недавно построенного там ряда остро-

гов. Послы были на приеме у царя Алексея Михайловича, пользовались определенной свободой передвижения на посольском подворье, их приглашали на военные смотры и религиозные празднества [Шастина, 1958, с. 112–113].

В послании и на переговорах Тушету-хан занимал противоречивые позиции: с одной стороны, он желал иметь с русскими мирные добрососедские отношения, был доволен тем, что «у Селенгинска живут двух царей люди смежно, быть бы в любви и совете меж собою», а с другой стороны, жаловался на обиды, которые казаки из Селенгинска и других русских острогов чинят его, Тушету-хана, и брата его, Шидишири-багатура «ясашным людям», «войной против них ходили, людей их многих с женами и з детьми и з животы побрали, а места разорили и остальные их люди из тех мест от разорения врознь разбежались» [*РМО 1654–1685*, с. 281].

Тушету-хан требовал провести расследование этих действий и наказать виновных, вернуть ему захваченных «братских людей» (прибайкальских бурят), якобы его давних подданных, и в случае отказа грозил прибегнуть даже к военным действиям. «А будет сыску при разоренье, что чинитца им от государевых людей не будет в том великого государя воля, учнут сами управляться и острогам Селенгинскому, Баргузинскому и Даурскому и Иркутскому будет не стоять» [там же, с. 291–292].

Однако переговоры проходили в целом миролюбиво: обе стороны выразили взаимную заинтересованность «жить в совете и миру», монголы обещали государевых людей провожать в Китай, корм и подводы давать, а русские обещали расследовать акты нападения на подданных Тушету-хана.

Следует отметить, что обе стороны выполнили свои обещания. Тушету-хан способствовал проезду через монгольские улусы в Китай и возвращению на родину русских посланников Н. Спафария в 1675–76 гг. и Н. Веникова и И. Фаворова в 1686 г. А тобольский воевода Салтыков получил распоряжение Москвы послать специального гонца в Селенгинск для выяснения причин и виновников взаимных обид.

В феврале 1676 г. монгольские послы были отпущены из Москвы в сопровождении тобольского татарина Сайдыш Кутломаметова, который вручил Чихунь-Доржи подарки и царскую грамоту: в ней отвергались все притязания Тушету-хана на бурят и его недовольство существованием Селенгинска «на монгольской земле», но по-прежнему предлагалось развивать посольский и торговый обмен.

К сожалению, в последующее десятилетие периоды относительного спокойствия в приграничных монгольских областях все чаще и чаще уступали место набегам воинственных монголов на русские владения. Воеводы сибирских острогов не переставали в своих сообщениях («отписках») в Москву жаловаться на «воровских монгольских людей», которые угоняют скот, выжигают села около заимок и даже убивают промышленных людей» [Шастина, 1958, с. 116].

Подстрекаемый маньчжурами, с которыми у него, по сообщениям русских послов, «совет и дружба», Тушету-хан занял откровенно враждебные позиции по отношению к русским в Забайкалье. Попытки московского правительства наладить отношения путем направления к Очирой-сайн-хану, к Джебцундамба-хутухте и к Шидишири-багатур-хунтайджи посольств тобольского сына боярского Ф. Михалевского в 1677–78 гг. и тобольского сына боярского В.С. Турсково в 1681 г. к Тушету-хану Чихунь-Доржи и к хутухте не дали никаких результатов [*РМО 1654–1685*, с. 304–318; 375–380].

Наоборот, Очирой-сайн-хан ужесточил свои претензии, он стал требовать возвращения под свою опеку и сбор ясака не только с забайкальских бурят, но и бурят иркутских и верхнеленских, и был причастен к военным нападениям в 1684 г. на Тункинский, а в 1685 г. на Селенгинский и Удинский остроги.

Резкое обострение обстановки в Забайкалье в 1680-е гг. усугублялось российско-маньчжурским противостоянием в Приамурье, где в 1684–1686 гг. цинские войска осаж-

дали русский острог Албазин. В военных действиях во время албазинского конфликта на стороне маньчжуров принимали участие и войска некоторых монгольских князей. Отпор цинским войскам, данный у Албазина, подтолкнул маньчжурского императора Сюань Е к переговорам с русскими.

Для урегулирования конфликта в 1685 г. в Москве было сформировано большое посольство к маньчжурскому богдохану во главе с искусным дипломатом, великим и полномочным послом и воеводой Федором Алексеевичем Головиным (1650–1706), впоследствии выдающимся сподвижником Петра I. Посольство сопровождали 4 стрелецких полка общей численностью почти в 2 тысячи хорошо вооруженных пушками и обученных воинов. По тем временам это была значительная сила. Царское правительство считалось с авторитетом и влиянием Тушету-хана и особенно Джебцундамба-хутухты и потому направило к ним в ноябре 1687 г. специальную грамоту за подписью царей Петра Алексеевича и Ивана Алексеевича с просьбой об оказании содействия Ф.А. Головину в его переговорах с цинским правительством по вопросу установления мирных отношений и границ между Россией и Китаем [*РМО 1685–1691*, с. 163–165].

Сам Ф.А. Головин прекрасно понимал, какую роль должны были сыграть Тушету-хан и хутухта в выполнении его задач, какое большое значение имела стабилизация отношений с ними. И потому уже в Иркутске принимал первых монгольских послов². А всего за 1687–1689 гг. к нему в Удинск, Селенгинск, Иркутск приезжало не менее 10 посольств от Тушету-хана, Ундур-гэгэна (Джебцундамба-хутухты) и других халхаских князей; в монгольские улусы, в свою очередь, им было отправлено 6 посланников (подробно об этих посольских отношениях см. [Шастина, 1958, с. 123–134]).

На этих переговорах Головин неизменно добивался стабилизации отношений, мирного разрешения пограничных конфликтов, поддержки Тушету-хана и Джебцундамбы-хутухты в своих сношениях с империей Цин. Он принимал и щедро одаривал монгольских послов дорогими подарками, в общем проводил миролюбивую политику в отношении монгольских владельцев.

Монгольская сторона придерживалась двойственной программы: заверения в мирных устремлениях сочетались с все более настоятельными требованиями вернуть бурятских кыштымов и убрать из Удинска и Селенгинска русских ратных людей. К тому же монгольские князья вели дружбу с маньчжурами и, похоже, выжидали, как сложатся отношения русских с Цин. Ну, а главное – угоны лошадей и скота, наезды на русские поселения набирали силу, и, несмотря на все усилия Ф.А. Головина, напряженность вокруг Селенгинска и Удинска нарастала.

В октябре 1687 г. Ф.А. Головин вместе с сотней стрельцов переехал из Удинска в Селенгинск, где должны были состояться переговоры с маньчжурами и где он принял несколько халхаских послов. А в конце декабря 1687 г. Селенгинск был окружен войсками Тушету-хана Чихунь-Доржи и еще 6 халхаских князей, и началась его трехмесячная осада с неудачной попыткой взять острог штурмом 29 февраля 1688 г. Планы монголов предусматривали наступление и на Удинск, и даже на Иркутск. Но упорное сопротивление защитников Селенгинска во главе с полномочным послом и воеводой Ф.А. Головиным, который лично принимал участие в боевых действиях, сорвало этот план. Не получая от Головина никаких известий, полки стрельцов и казаков двинулись из Удинска к Селенгинску, что вынудило командующего монгольскими войсками, младшего брата Тушету-хана Чихунь-Доржи – Шидишири-багатур-хунтайджи в конце марта 1688 г. снять осаду и увести войска в Монголию, тем более что там разгорелась борьба Тушету-хана против главы Джунгарского ханства Галдан-бошокту-хана, из-за которой Чихунь-Доржи лично

² Посольство выехало из столицы 26 января 1686 г. и только осенью 1687 г. достигло места своей главной дислокации – Удинского острога.

не принимал участия в походе монголов в Забайкалье и в осаде Селенгинска. Он был целиком поглощен войной с Галданом, от которого в августе 1688 г. в генеральном сражении у озера Олохой-нуур потерпел сокрушительное поражение и бежал к Джебцундамба хутухте (эти и другие, выше приведенные сведения взяты из статейного списка Головина [*Русско-китайские отношения...*, т. 2, с. 206–266]).

Войска Галдан-бошокту-хана в 1689 г. захватили почти всю Халха-Монголию и вынудили многих монгольских князей вместе с Тушету-ханом и хутухтой искать спасения в Южной Монголии у цинских властей. На этом русско-халхаские отношения закончились, и этот канал связей уступил место русско-цинским отношениям, которые стали регулироваться правовым договором, заключенным в Нерчинске, куда еще в июле 1698 г. прибыла делегация Цин в составе 5 сановников во главе с придворным вельможей генералом Санготу в сопровождении 8000 воинов с пушками на 120 речных судах [Мясников, 1996, с. 112]. В Нерчинске в это время насчитывалось 600 промышленных и военных людей. 9 августа туда с отрядом стрельцов приехал Ф.А. Головин. Переговоры начались 12 августа и проходили до 28 августа 1689 г. под дулами пушек и постоянной угрозой физического уничтожения российской делегации и ее охраны. И если в этих экстремальных условиях Ф.А. Головину удалось заключить первый договор с империей Цин с оставлением Забайкалья и бурят, а также многочисленных халхаских перебежчиков за Россией, то можно, как это делает Н.П. Шастина, «считать этот договор и первой дипломатической победой России во взаимоотношениях с манчжурами» [Шастина, 1958, с. 162]. Но навязанное проведение, согласно договору, пограничной линии не по Амуру, а по реке Горбице – и, соответственно, большие потери богатых и освоенных 40–50 лет тому назад владений в Амурской области, а также срывте Албазина делают Нерчинский договор во многом неудачным для России.

Заключение Нерчинского договора шло одновременно с развитием халха-ойратской войны, которую Тушету-хан и хутухта полностью проиграли. В 1690 г. почти вся Халха была занята войсками Галдана Бошокту-хана, многие монгольские князья вместе с Тушету-ханом и Джебцундамба-хутухтой бежали в Южную Монголию, где в 1691 г. на Долоннорском съезде приняли маньчжурское подданство, стали вассалами маньчжурской империи и, следовательно, были лишены права самостоятельно поддерживать отношения с северным соседом. Этот канал русско-монгольских отношений во второй половине XVII в. был закрыт.

Но оставались связи с ойратами, с Джунгарским ханством. Они концентрировались, главным образом, вокруг двух центральных фигур истории Джунгарского ханства второй половины XVII в. – Сенге-тайши и Галдан-хана, правивших в 1635–1670 и 1671–1697 гг. соответственно. К Сенге было отправлено 5 русских посольств, от него в Томск и в Москву приезжали 5 джунгарских посольств. С Галданом посольские связи были еще более оживленными: только за 1671–1680 гг. из Джунгарии в сибирские города и в Москву были направлены 6 посольств, четыре русских посланника посетили ставку главы Джунгарского хана [Златкин, 1983, с. 140–141, 159–183]. Во время миссии Ф.А. Головина послы и гости от Галдана приходили в Удинск и Селенгинск многократно.

Главным предметом переговоров с Сенге был вопрос о сборе ясака с данников, отошедших к России, а именно с теленгутов, катинцев, аринцев, а также с енисейских киргизов и тубинцев, которые якобы всегда были под властью деда (Хара хулы) и отца Галдана (Батур-хунтайджи) [там же, с. 143]. В спорах о кыштымах, да вообще в отношениях с Россией Сенге занимал в целом враждебные, агрессивные позиции и, встретив решительный отпор со стороны российских властей, не раз угрожал войной.

И действительно, в мае 1666 г. войска Сенге безуспешно осаждали Красноярск и опустошили его окрестности. В том же году Сенге вторгся во владения русских ясашных киргизов и, соединившись с могущественным киргизским князем Иреляком, выступил в

поход на Томск и Кузнецк, грабил и разорял окрестные русские поселения. Попытки русских послов П. Кульвинского в 1666 г., В. Былина в 1667 г., М. Ржицкого в 1669 г. добиться от Сенге прекращения набегов и склонить ойратского тайшу «встать под государеву высокую руку» не имели успеха.

Глава Джунгарского ханства, возгордившись победой над Алтан-ханом Лувсан-тайджи, стал очень холодно, с нарушением традиционного этикета, принимать русских посланников и до конца дней своих продолжал упорно настаивать на возвращении ему теленгутов, грозя войной. В 1670 г. он был убит в результате заговора двух своих братьев [Златкин, 1983, с. 151].

Престол занял младший брат Сенге – Галдан. В историю Монголии Галдан вошел не только как просвещенный государь и законодатель [Златкин, 1983, с. 154], но и как негибаемый, стойкий борец против маньчжурской экспансии, борец за независимость и объединение ойратов и халха-монголов в единое государство. Он родился в 1645 г. и уже в младенчестве был отдан в ученики к Далай-ламе в Тибет, где к 20 годам получил духовное звание, в дипломатических документах, связанных с джунгаро-российскими контактами 60-х гг. XVII в. (он нередко принимал в переговорах непосредственное участие) именовался хутухтой. Убийство Сенге потрясло Галдана, он с разрешения Далай-ламы снял с себя монашеские обеты, жестоко расправился с заговорщиками и возглавил управление Джунгарским ханством. В 1679 г. Далай-лама присвоил ему титул «Бошокту-хан» «благословенный правитель»). До него и после него никто из правителей Джунгарского ханства не имел ханского титула, что говорит об особом отношении Далай-ламы к ойратскому хану [Златкин, 1983, с. 172].

В первое десятилетие своего правления Галдан сосредоточил усилия на достижение с Россией добрососедских мирных отношений и развитие оживленной торговли. Так, он занял примиренческие позиции в отношении оставленной в наследство от Сенге проблемы сбора ясака с теленгутов: не стал требовать их возвращения, а предложил сделать их двоеданцами. На это русские власти, естественно, не пошли. Вопрос остался нерешенным, но он не повлиял на неуклонное расширение отношений, показателем которого явился частый обмен посольствами: как мы уже отмечали, 6 посольств от Галдана и 4 от России за 1671–1680 гг. Красной нитью во всех имевших место переговорах проходит стремление Галдана к тому, «чтоб пограничный соседствующий союз держать и чтоб заборов на границе не было». Глава большого посольства Галдана в Москву в 1678–79 гг. Себбеди-ходжа на приеме в Посольском приказе 13 марта 1679 г. неоднократно подчеркивал, что «...Галдан де тайша всегда желает царского величества с подданными служилыми и ясашными государственными людьми жить в миру и в совете и своими улусным людям заборов и грабежей чинить с ясашными государственными людьми не велит» [*РМО 1654–1685*, с. 324].

Таким образом, к концу первого десятилетия своего правления Галдан добился улучшения статус-кво на своих северных границах, тем самым заложив прочные основы дальнейшего развития добрососедских отношений, которые значительно активизировались в 1684–1689 гг. Так, в 1684 г. воевода М. Кислянский принимал в Иркутске самое большое джунгарское посольство во главе с Мерген-хошучи, который привел с собой «...торговых людей бухарцов с товары и з женами, и з детьми, и с юртами 70 человек на сто семидесяти верблюдах. Всего 30 юрт» [*РМО 1654–1685*, с. 437].

Само по себе прибытие такого большого каравана на 170 верблюдах – показатель широких торговых связей Галдана с Россией. Но главная цель посольства Мерген-хошучи была разведывательной: «проведать государеву землю» в связи с появлением слухов в ханстве и даже в Китае (посол побывал там в 1683 г.), «что идут великих государей ратные люди на Амур-реку», т.е. об усилении российского военного присутствия в Приамурье. А во время пребывания великого и полномочного посла и воеводы Ф.А. Голови-

на в Восточной Сибири Галдан внимательно следил за его действиями и поддерживал с ним и российским правительством постоянную связь. Так, в 1688–1696 гг. в Москве принимали три посольства джунгарского хана, в Иркутске и Тобольске – тоже по три посольства, в Нерчинске – два, причем каждое посольство вручало одно или два послания Бошокту-хана [Гольман, 1997, с. 61].

Начиная с ноября 1688 г., во всех посланиях и наказах джунгарским послам прослеживаются упорные усилия Галдана добиться заключения соглашения с Россией и ее представителями в Сибири о совместных боевых действиях против, по его понятиям, предателей независимости Монголии – Тушету-хана, Чихунь-Доржи и Джебцундамбахутухты, а затем и против маньчжурского императора Сюань Е – главного препятствия на пути объединения ойратов и халха-монголов в единое независимое централизованное государство, к чему стремился Галдан-бошокту-хан.

Добивался также Галдан помощи ратными людьми и огнестрельным оружием, пищалыми и пушками. Во время Халха-Ойратской войны 1688–1689 гг. Галдан распускал слухи, что в его войсках сражаются до 20 тыс. русских воинских людей, что деморализовало его противников.

Стремясь всячески привлечь русских на свою сторону, он в своих посланиях дипломатично указывал, что претензии маньчжуров на левобережье Амура необоснованны: эта земля никогда не была маньчжурской, а испокон веков принадлежала ойратским кыштымам, что, став ханом Халхи, он вернет русским территории, потерянные по Нерчинскому договору и даже возродит Албазин [*РМО 1685–1691*, с. 394].

Предложения Галдана о военном союзе Ф.А. Головин встретил весьма благосклонно, чему свидетельствовала отправка им к Галдану иркутского казака Григория Киберева для переговоров относительно совместных военных действий против монгольских тайшей, принимавших участие в осаде Селенгинска. Посольство Киберева было принято с честью и очень радушно, Галдан даже возил русского посла на поле битвы с маньчжурским отрядом во главе с Арани, так что русский посол стал живым свидетелем военного искусства джунгарского хана: Арани был разбит наголову и едва унес ноги [Шастина, 1958, с. 167]. Военного пакта заключено не было, стороны договорились действовать одновременно, но самостоятельно. Киберов не стал задерживаться у Галдана и в сентябре 1690 г. вернулся в Иркутск спустя полгода после отъезда оттуда в Москву Ф.А. Головина. Вопрос о совместных действиях повис в воздухе.

Вообще, после заключения Нерчинского договора 1689 г. и особенно после принятия Халхой маньчжурского подданства в 1691 г. Москва потеряла интерес к соглашениям с правителем Джунгарского ханства – и в январе 1691 г. последовал царский указ сибирским воеводам не пропускать в Москву джунгарских и монгольских посланников, а решать все дела на месте. Только в особых случаях и по специальному разрешению Посольского приказа посланцы Галдана и монгольских князей, принявших русское подданство, могли приезжать в Москву.

Галдан же не переставал добиваться военного сотрудничества с русскими и получения от них помощи ратными людьми и вооружением и поэтому продолжал посылать своих послов, из которых только посольству Ачита-Кашки (1691–1692) удалось выполнить свою миссию благодаря заступничеству Ф.А. Головина и вручить письмо Галдана великим государям с просьбой прислать свинца и пушек. Оно осталось без ответа. Россия решила не вмешиваться в ойрато-маньчжурскую войну 1691–1698 гг. – отчаянную попытку Галдана отстоять независимость Монголии от Цин, окончившуюся его поражением и смертью от болезни в 1697 г.

Таковы были основные события в отношениях России с Алтан-ханом Лувсаном, Тушету-ханом Чихунь-Доржи и Джебцундамбахутухтой с Галданом во второй половине XVII в. Какие выводы можно сделать из нашего обозрения?

Факты со всей убедительностью свидетельствуют, что в течение всего этого периода между Россией и ханствами Монголии, так же как и в предыдущие периоды XVII в., происходил регулярный и оживленный обмен посольствами, основанный на взаимной заинтересованности в постоянных связях и контактах. Русское правительство в основном оставалось верным своей политике невмешательства во внутренние дела Монголии и сохранения мирных, добрососедских отношений с монгольскими владетелями [Гуревич, 1979, с. 35–37]. Заинтересованность в добрососедстве вырастала по мере того, как на центральное место в царской дипломатии в этом регионе в 1670–1680-е гг. выдвигался вопрос урегулирования отношений с Цин [Мясников, 1996, с. 4].

В свою очередь, монгольские владетели стремились к союзу и сотрудничеству с Россией во имя укрепления своего положения в междоусобной борьбе, противодействия давлению со стороны маньчжуров и для обеспечения себе доступа на рынки сибирских городов. Немаловажную роль играло стремление монгольских князей, теснимых с востока и юга империей Цин, утвердить свое право на участие в эксплуатации коренного населения некоторых сопредельных с Монголией областей – так называемых местных иноплемен, принявших русское подданство.

На центральное место в русско-монгольских переговорах с середины 1650–1660-х гг. выдвинулся вопрос о ясаке, т.е. сборе дани с местного пограничного населения. Немаловажное место по-прежнему занимал вопрос о торговле. В конце 1680-х гг. эти проблемы вошли составной частью в общий вопрос о роли Монголии в налаживании и стабилизации отношений между Россией и империей Цин.

Вопрос о так называемой даче шерти, т.е. добровольном признании монгольскими владетелями формального сюзеренитета России, отошел на задний план. Во-первых, сибирские власти на собственном опыте убедились, что мирным, дипломатическим путем им этого не добиться, а достаточными военными силами они по-прежнему не располагали. Во-вторых, общая обстановка в Восточной Сибири, Забайкалье и Приамурье в связи с экспансией маньчжуров настолько осложнилась, что под угрозу было поставлено само существование русских городов – Нерчинска, Албазина, Селенгинска, Удинска. Главной заботой царского правительства поэтому стало удержание и охрана этих рубежей, обеспечение мира и спокойствия в регионе, достижение договоренности с Цин.

В таких условиях Москве было не до «шерти», хотя, конечно, это не мешало правительству при случае напомнить Лувсан-тайджи о присяге, данной от имени его отца Омбо-Эрдэни в 1634 г., требовать ее подтверждения [Гольман, Слесарчук, 1965, с. 179].

В переговорах с Тушету-ханом, а также с ойратскими ханами и князьями в этот период вопрос о «шерти» вообще, как правило, не затрагивался. Зато красной нитью во всех предписаниях Москвы сибирским воеводам и своим послам проходит наказ «с ним ханом и улусными его людьми быть в свете, а войны и задоров чинить им не велели».

Проводя миролюбивую, добрососедскую политику Москва вместе с тем твердо и непреклонно отстаивала свои права на вновь освоенные земли, на сбор ясака с подвластного населения – кыштымов. Исстари запутанный и тяжелый вопрос о «ясачных людях» приобрел в этот период особую остроту в связи с подстрекательской политикой цинского двора, внутренними распрями среди монгольских владельцев, неустойчивостью политического положения во всей пограничной зоне, из-за местами не определенных границ и иногда самочинных действий сибирской администрации.

Открытые попытки монгольской знати, теснимой и подстрекаемой Цин, решить вопрос о кыштымах в свою пользу силой оружия окончились неудачей. Натолкнувшись на решительное сопротивление, она отступила. Борьба за ясачные волости во многом ослабила позиции монгольских князей, помешала их объединению перед лицом смертельной угрозы с стороны маньчжуров. Царская дипломатия также не преуспела в стремлении навязать монгольским феодалам полный и безоговорочный отказ от притязаний на уча-

стие в эксплуатации инородцев. Вплоть до 1689 г. вопрос о кыштымах продолжал оставаться открытым, и во многих районах существовал режим двоеданства.

Вместе с тем на основании фактов можно сделать вывод, что широкие массы бурятского, киргизского и других народов, алтырцы, тубинцы, телеуты и другие местные народности в рассматриваемый период добровольно и прочно связали свою историческую судьбу с судьбой русского народа и в пограничных конфликтах того времени, как правило, держали сторону России. Даже феодальные верхушки этих народностей предпочитали жить «под высокою государевою рукою», чем под властью Цин или разрозненных и враждующих между собой монгольских княжеств.

Более того, в 80-х гг. XVII столетия среди части собственно монгольских князей, не говоря уже о простом люде, необычайно усилилась тяга к переходу в русское подданство, что и стало проблемой в отношениях с Цин.

Споры о ясаке в целом не отражались на взаимной заинтересованности в развитии торговых отношений. Торговый обмен был регулярным и довольно широким, особенно с Джунгарским ханством, которое, как справедливо отмечал И.Я. Златкин, без такого обмена «уже не могло существовать и развиваться» [Златкин, 1983, с. 222]. Сохранилась, например, переписка между Тобольской и Верхотурской приказными избами о размахе торговых связей, в частности строительстве в Тобольске «калмыцкого двора», т.е. специальных торговых рядов и складских помещений для торговли с ойратами.

«Подарки» от монгольских князей и ханов и «царское жалованье» монгольским тайшам были также своеобразной формой торгового обмена, а их ассортимент представлял собой традиционные предметы купли-продажи. Во главе многих посольств в России стояли «бухарцы», опытные купцы – выходцы из Средней Азии.

Условия торговли были льготными: ввозимые в Сибирь товары не облагались никакими пошлинами, существовало довольно справедливое соотношение цен на предметы торгов: пушнину, лошадей, текстиль, продукты скотоводства и земледелия, лекарственные травы и т.п. Запрет был наложен на торговлю оружием и ревенем³, причем такой строгий, что в нарушение дипломатического этикета Москва часто разрешала воеводам досматривать личный багаж послов для недопущения контрабандной торговли.

Царское правительство не только поощряло русско-монгольскую торговлю, но и всячески стремилось пробиться на рынки Китая, для чего искало поддержки и помощи влиятельных князей Джунгарии и Халхи. Содействующими бумагами с просьбами к монгольским владетелям о содействии был снабжен торговый человек Сеиткул Аблин, возглавивший первый торговый караван в Китай в 1668 г. В его доезде (отчете) подробно рассказывается о помощи транспортом, кормом, провожатыми, оказанной ему по приказу Сенге [РМО 1654–1685, с. 288–289].

16 февраля 1676 г. царь Алексей Михайлович направил специальную грамоту Тушету-хану с просьбой оказывать всяческую поддержку и помощь русским служилым и торговым людям, едущим в Китай [РМО 1654–1685, с. 296–297]. Тушету-хан и особенно Джебцзундамба-хутухта положительно откликнулись на просьбу Москвы и содействовали проездам в Китай и обратно на Родину русских посланников Н. Спафария в 1679–1680 гг., Н. Венюкова и И. Фаворова в 1686–1687 гг., С. Коровина и И. Кочанова в 1687–1688 гг. Русское правительство, считаясь с влиянием и авторитетом Тушету-хана и главы ламаистской церкви Джебцзундамба-хутухты, придавало большое значение их посредничеству в урегулировании не только торговых, но и политических отношений с им-

³ В XVII–XVIII вв. в России действовала государственная монополия на торговлю ревенем, тогда широко использовали в медицине и который государство приобретало у бухарских и китайских купцов, перепродавая его по завышенным ценам как внутри страны, так и в Европу. Подробнее см.: [Силин, 1947, с. 52–53, 60, 150–152].

перией Цин. В 1686 г. к ним поступила просьба от царей Петра и Ивана Алексеевичей оказать помощь Ф.А. Головину в его переговорах с маньчжурами [РМО 1685–1691, с. 69].

Итак, вторая половина XVII в. была периодом насыщенных переговоров в целях мирных связей России и Монголии.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи [Complete collection of the Laws of the Russian Empire] http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

РМО – Русско-монгольские отношения [Russian-Mongolian relation].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гольман М.И. Русские архивные материалы об отношениях Галдана Бошокту хана с российским государством. *Altaica*. I. 1997. С. 46–65 [Gol'man M.I. The Russian archives on relations between Galdan Boshokty-khan and Russian state. *Altaica*. I. 1997. Pp. 46–65 (in Russian)].

Гольман М.И., Слесарчук Г.И. Русские архивные документы о взаимоотношениях России и Монголии в 30–50-х гг. XVII в. *Краткие сообщения Института Народов Азии. История и историография стран Дальнего Востока*. № 76. 1965. С. 165–181 [Gol'man M.I., Slesarchuk G.I. The Russian Archives Documents on mutual relations between Russia and Mongolia in 30–50 years of the 17th century. *The short information journal of the Asian Peoples Institute. History and Historiography of Far Eastern Countries*. No. 76. 1965. Pp. 165–181 (in Russian)].

Гуревич Б.П. *Международные отношения в Центральной Азии в XVII–первой половине XIX в.* М.: Наука, 1979 [Gurevich B.P. *The International relations in Central Asia in the 17th – 1st half of the 19th centuries*. Moscow: Nauka, 1979 (in Russian)].

Ермаченко И.С. *Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в.* М.: Наука, 1974 [Ermachenko G.S. *The policy of Manchu Qing Dynasty towards the South and North Mongolia in the 17th century*. Moscow: Nauka, 1974 (in Russian)].

Златкин И.Я. *История Джунгарского ханства (1635–1758)*. 2-е изд. М.: Наука, 1983 [Zlatkin I.Ia. *The History of Dzhungar Khanate (1635–1758)*. 2nd edition. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Мясников В.С. *Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.* М.: РИО Мособлупролиграфиздата, 1996 [Myasnikov V.S. *Confirmed by treaty articles: the Diplomatic history of Russian-Chinese frontier of the 17th–20th centuries*. Moscow: RIO Mosobluproligrafiizdata, 1996 (in Russian)].

Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. М.: Восточная литература, 1972 [Russian-Chinese relations in the 17th century. *Materials and documents*. Vol. 2. Moscow: Vostochnaia literatura, 1972 (in Russian)].

Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов. Составители: М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М.: Восточная литература, 1974 [Russian-Mongolian relation 1636–1654. *Documentary collection*. Compilers: M.I. Gol'man, G.I. Slesarchuk. Moscow: Vostochnaia literatura, 1974 (in Russian)].

Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сборник документов. Составитель Г.И. Слесарчук, отв. ред. И.Ф. Демидова. М.: Восточная литература, 1996 [Russian-Mongolian relation 1654–1685. *Collection of documents*. Compiler G.I. Slesarchuk, responsible editor I.F. Demidova. Moscow: Vostochnaia literature, 1996 (in Russian)].

Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Составитель Г.И. Слесарчук М.: Восточная литература, 2000 [Russian-Mongolian relation 1685–1691. Compiler G.I. Slesarchuk. Moscow: Vostochnaia literatura, 2000 (in Russian)].

Силин Е.П. *Кяхта в XVIII веке: из истории русской торговли*. Иркутск ОГИЗ Иркутское областное издательство, 1947 [Silin E.P. *Kyakhta in the 18th Century: from the History of Russian Trade*. Irkutsk: OGIZ Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1947 (in Russian)].

Шастина Н.П. *Русско-монгольские посольские отношения XVII века*. М.: Изд-во вост. лит., 1958 [Shastina N.P. *Russian-Mongolian Ambassadorial Relations in the 17th century*. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1958 (in Russian)].

Чимитдоржиев Ш.Б. *Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв.* М.: Наука, 1978 [Chimitdojiev Sh.B. *Mutual Relations between Mongolia and Russia in the 17th–18th centuries*. Moscow: Nauka, 1978 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГОЛЬМАН Марк Исаакович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, консультант отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Mark I. GOL'MAN, Dr. Sc. (History), Leading Research Fellow, Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.